РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1878.

I.

Изъ записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой.

I.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

Фамилія Мухановыхъ происходитъ изъ Польши. Неизвѣстно, когда предокъ нашъ выѣхалъ изъ Польши; знаемъ только, что Мухановъ былъ пожалованъ въ царствованіе Ѳедора Іоанновича имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Первымъ извѣстнымъ сдѣлался Ипатъ Мухановъ. Домъ Мухановыхъ былъ въ нынѣшнемъ Армянскомъ переулкѣ, противъ дома боярина Матвѣева, гдѣ часто въ своемъ дѣтствѣ бывалъ Петръ I-й. Когда бояринъ Матвѣевъ ложился отдыхать послѣ обѣда, молодой Петръ Алексѣевичъ перебѣгалъ черезъ улицу къ Мухановымъ поиграть съ Ипатомъ, полюбилъ его и въ послѣдствіи отдалъ его учиться въ Саардамѣ. Въ теченіи всей жизни, Царь очень любилъ его и всегда держалъ при себѣ. Мухановъ былъ его деньщикомъ и ночью спалъ у него на порогѣ. Онъ имѣлъ званіе капитана втораго ранга и всегда командовалъ тѣмъ фрегатомъ, гдѣ былъ Царь *). Разъ Мухановъ, когда Царь началъ распоряжаться на фрегатѣ, сказалъ ему: «во всемъ ты уменъ, Петръ Алексѣевичъ, но дѣло морское я лучше тебя разумѣю, а потому не мѣшай мнѣ». Петръ I-й сосваталъ его съ Полянской, которая принесла ему 500 душъ и за нимъ ихъ укрѣпила. Отъ нея у него не было дѣтей; потому Государь женилъ его на княжнѣ Шаховской, отъ которой и пошелъ родъ Мухановыхъ. Еще знаемъ, что разъ Государь, обрадованный какою-то побѣдою, спросилъ Муханова: «чѣмъ мнѣ подарить тебя на радости?» Тотъ отвѣчалъ: «я столько уже получилъ отъ тебя, Государь, что мнѣ ничего не нужно,—думай о другихъ». Царь въ это время одѣвался и, снявъ сорочку, отдалъ ее Муханову на память. Она долго хранилась у дяди моего Алексѣя Ильича, но въ суматохѣ 1812 года ее забыли вывезти изъ Москвы, гдѣ она и пропала. У него остался образъ Тихвинской Божіей Матери, въ богатомъ окладѣ съ жемчугами, которымъ Петръ благословилъ его. Еще есть нѣсколько писемъ Петра I-го къ нему; они переданы Павлу Александровичу Муханову, который началъ писать біографію предковъ Мухановыхъ. Въ царствованіе Петра I-го Ипатъ былъ посланъ въ Москву устроить морскую богадѣльню, гдѣ находится и теперь его портретъ. Онъ былъ красивой наружности, при атлетическихъ формахъ; когда узналъ онъ о кончинѣ Петра, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ просился въ отставку, но Екатерина I-я, уважая въ немъ любимца своего мужа, не хотѣла его отпустить.

---

*) Ипатъ Калиновичъ Мухановъ, флота капитанъ-командоръ, р. 31 Марта 1677, † 22 Мая 1729. *П. В.*

У Ипата былъ одинъ сынъ Илья. Минуя всѣхъ родственниковъ, Ипатъ поручилъ его, умирая, своему слугѣ, который вѣрно исполнилъ завѣтъ господина: отвезъ молодаго своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только что устроенный; всякую Субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ Воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день. О службѣ этого дѣда мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но видимъ его сопровождающимъ императрицу Екатерину въ день ея воцаренія. По обѣту своему, онъ построилъ церковь въ селѣ Успенскомъ (въ 20 верстахъ отъ Троицкой лавры), которая донынѣ сохраняется въ большомъ порядкѣ.

У Ильи Ипатовича было семь сыновей: Алексѣй, Иванъ, Дмитрій, Николай, Сергѣй, Александръ и Михаилъ и одна дочь Марія, въ замужствѣ за Колычевымъ.

Воспитаніе шести старшихъ сыновей было домашнее, и только младшій Михаилъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Образованіе заключалось въ Русской грамотѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Старшіе два, Алексѣй и Иванъ Ильичи, говорили кое-какъ пофранцузски. Но честность, благочестіе и любовь, взаимно связывавшая братьевъ между собою и съ отцомъ, были какъ бы исключительнымъ достояніемъ этого семейства. Между тѣмъ, не смотря на недостаточное образованіе, двое изъ нихъ были замѣчательными людьми. Изъ моихъ разсказовъ уже довольно извѣстенъ характеръ и складъ ума моего отца. Старшій десятью годами братъ его, Алексѣй Ильичъ, былъ отличнымъ сенаторомъ,—такимъ твердымъ и энергическимъ, что небогатые люди, имѣвшіе въ его департаментѣ дѣла, не трудились пріѣзжать въ Москву для ходатайства, зная, что правда въ рукахъ Алексѣя Ильича не нуждается въ другомъ разъясненіи, кромѣ его прозорливаго ума и непоколебимой твердости: такъ мы слышали во время нашихъ переѣздовъ отъ чужихъ людей, встрѣчавшихся на нашемъ пути. Служба его началась въ конной гвардіи; потомъ онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ съ честію командовалъ полкомъ и взялъ городъ Анапу, при чемъ первый взошелъ на укрѣпленіе. Послѣ Алексѣй Ильичъ былъ вызванъ императрицею Екатериною II-й и назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента Сената. Эта должность въ то время была очень важная, потому что въ этотъ департаментъ стекались всѣ важныя дѣла, какъ теперь въ Государственномъ Совѣтѣ. Здѣсь, однажды, увидавъ на столѣ указъ о налогѣ на соль, онъ взялъ его и преспокойно положилъ себѣ въ карманъ, къ ужасу прочихъ сенаторовъ. По окончаніи присутствія онъ поѣхалъ во дворецъ и просилъ тогдашняго любимца Государыни, графа Платона Александровича Зубова, доложить Государынѣ, что этотъ указъ можетъ быть пагубенъ какъ для благоденствія народа, такъ и для славы Императрицы, что народъ можетъ сказать: видно ужъ матушка наша очень обѣднѣла, что начала торговать солью. Императрица такъ была этимъ довольна, что на первомъ куртагѣ, подозвавъ Алексѣя Ильича къ своему столу и вставши съ своего мѣста, низко кланяясь, благодарила его за то, что онъ спасъ ея славу. По кончинѣ Императрицы, дядя мой былъ назначенъ сенато

ромъ въ Москву, гдѣ былъ его украшеніемъ долгое время и гдѣ авторитетъ его никогда не оспаривался. По восшествіи на престолъ Николая Павловича, онъ, уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, просился въ отставку, но Государь просилъ его не оставлять службы, говоря, что совѣтъ его можетъ быть полезенъ, даже если онъ не можетъ лично присутствовать въ Сенатѣ. Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ показывалъ къ нему особенное почтѐніе и хвалился тѣмъ, что былъ его ученикомъ. Кромѣ того, дядя былъ еще почетнымъ опекуномъ и имѣлъ въ особенномъ своемъ завѣдываніи прежде институтъ, а потомъ Маріинскую больницу. Онъ также, какъ и мой отецъ, не любилъ хвалиться накопленіемъ экономическихъ денегъ, но прежде всего думалъ о снабженіи больницы всѣмъ нужнымъ. Время его управленія больницею осталось въ памяти служащихъ, какъ самое цвѣтущее.

Изъ другихъ моихъ дядей Иванъ Ильичъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управляя въ Москвѣ Коммерческимъ Банкомъ. Александръ Ильичъ былъ губернаторомъ сперва въ Казани, а потомъ въ Рязани и кончилъ свою карьеру шталмейстеромъ въ Москвѣ. Вездѣ, безъ сомнѣнія, поступалъ онъ честно и похвально, хотя не имѣлъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыми обладали ярко выдавшіяся изъ семейства лица. Дядя Михаилъ Ильичъ умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ и къ службѣ былъ мало способенъ по лѣнивому своему характеру. Дмитрій Ильичъ совсѣмъ не служилъ по болѣзни, а Николай Ильичъ, дослужившись въ конной гвардіи до чина бригадира, вышелъ въ отставку. Сестра ихъ Марія Ильинишна, старшая изъ всего семейства, вышла въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ за Колычева. Союзъ этотъ не былъ счастливъ и не благословленъ дѣтьми. Она имѣла нравъ строптивый и безпокойный, а онъ страдалъ по временамъ припадками сильной меланхоліи. Мать, ее любившая какъ единственную дочь, требовала настоятельно, чтобы отецъ далъ ей часть имѣнія болѣе нежели другимъ, а этого онъ не хотѣлъ сдѣлать по справедливости. Сыновья, видя, что этимъ нарушается семейный миръ, просили отца исполнить желаніе матери. Тогда отецъ, поблагодаривъ ихъ, сказалъ: «такое неправедное достояніе не пойдетъ въ прокъ и все же къ вамъ возвратится». Такъ и случилось.

Такъ какъ отецъ мой былъ единственнымъ родственникомъ, могущимъ покровительствовать своимъ, то племянники обыкновенно жили подъ его кровлею. Сначала два сына Ивана Ильича, потомъ сынъ Николая Ильича, потомъ два сына Алексѣя Ильича—каждый оставался по два года подъ покровительствомъ дяди и тетки до той поры, пока, привыкнувъ къ жизни, онъ могъ дѣйствовать самостоятельно. Первые были Алексѣй Ивановичъ и братъ его Павелъ. Алексѣй былъ красивъ собой и довольно хорошо учился, но былъ простъ умомъ, хотя не до такой степени, какъ представила его Марія Аполлоновна Волкова въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ». Онъ былъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пожалованъ камеръ-юнкеромъ, что̀ давало тогда чинъ статскаго со-

вѣтника. Великія княжны часто вызывали его на танцы съ собою; но, по его неловкому уму, скоро перестали быть къ нему благосклонными. Онъ женился на княжнѣ Мещерской и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; ему не было еще 25 лѣтъ.

Братъ его Павелъ Ивановичъ Мухановъ былъ совсѣмъ другаго характера. Онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ, который представляло батюшкино положеніе, и хотѣлъ самъ проложить себѣ дорогу. Вступивъ въ егерскій гвардейскій полкъ, жилъ въ казармахъ съ солдатами и довольствовался ихъ пищею. Чрезъ 6 мѣсяцевъ онъ былъ произведенъ въ офицеры за отличіе. Однажды онъ нашелъ на столѣ моего отца пригласительный билетъ въ Эрмитажъ, взялъ его, соблазнился подскоблить имя и вставить свое. Батюшка, провѣдавъ объ этомъ, сказалъ ему: «я не зналъ, что ты способенъ дѣлать фальшивыя бумаги». Это такъ оскорбило его, что нѣсколько времени онъ избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и сухо отвѣчалъ на его разговоры. Вообще въ немъ была сила характера, за что батюшка его любилъ. Впослѣдствіи этотъ характеръ показывался въ разныхъ случаяхъ, но особенно при его ранней кончинѣ. Когда онъ узналъ о смерти своей матери, которую нѣжно любилъ, то имѣлъ столько силъ, что, не показывая своей горести, ходилъ за больнымъ моимъ отцомъ. Когда началась война 1812 года, батюшка, бывши друженъ съ Багратіономъ, просилъ его взять племянника Павла Муханова къ себѣ въ ординарцы. Только-что Французы перешли Нѣманъ, при первой перестрѣлкѣ Павелъ Мухановъ началъ проситься участвовать въ ней. Багратіонъ не хотѣлъ отпускать его, говоря, что онъ безъ пользы и чести можетъ пропасть въ этомъ первомъ неважномъ дѣлѣ и что доставитъ ему случай отличиться. Перестрѣлка кончилась благополучно; но когда онъ возвращался съ товарищами и разговаривалъ пофранцузски, казакъ принялъ его будто за Француза и пронзилъ его между плечъ пикою, такъ что она прошла насквозь. Принять его за Француза онъ не могъ, потому что онъ возвращался съ товарищами; а еслибъ онъ былъ плѣнный Французъ, то все-таки казакъ долженъ былъ удержаться отъ такого поступка. Другіе думали, что такъ какъ на Мухановѣ была серебряная лядунка, то казакъ закололъ его съ тѣмъ, чтобъ ограбить, но и это трудно было сдѣлать. Какъ бы то ни было, рана оказалась смертельною. Ему сказали, что пока пика еще не вынута, онъ можетъ жить. Первымъ дѣломъ его было послѣ того позвать священника, исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ, потомъ написать къ женѣ письмо, въ которомъ онъ давалъ ей совѣты насчетъ воспитанія ихъ дочери, про которую онъ, за отсутствіемъ, не могъ знать, что въ это время уже не было ея на свѣтѣ. Кончивъ всѣ свои дѣла, онъ велѣлъ вынуть пику и скоро кончилъ жизнь на рукахъ у брата своей жены. Послѣдній послѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, то сдѣлался бы таковымъ, видя такую прекрасную кончину. Ему былъ 21 годъ, а женатъ былъ уже второй годъ. Платовъ приходилъ къ нему и спрашивалъ его, не можетъ-ли онъ указать на казака, пронзившаго его, но онъ отвѣчалъ, что не

замѣтилъ чертъ его лица; шурину же сказалъ, что изъ тысячи онъ могъ бы указать на него. Впрочемъ убійца не избѣгъ своей участи: Платовъ узналъ о немъ и велѣлъ его засѣчь нагайками до смерти. Жена Павла скончалась въ прошломъ году; она урожденная Олсуфьева.

Олсуфьевы, ея братья, воспитывались въ домѣ моей тетки почтеннѣйшимъ Французскимъ аббатомъ. Кстати — нѣсколько словъ объ этомъ аббатѣ. Я была съ нимъ очень дружна; это загадочное лице, и настоящаго его имени никто не зналъ; его звали «l'abbé Limousin», вѣроятно по мѣсту его рожденія. Онъ разсказывалъ, что спасся почти раздѣтый на Англійскомъ суднѣ, гдѣ украдкой отъ всѣхъ помѣстился такъ, что его позднѣе нашли внизу на самомъ днѣ судна. Пріѣхавши въ Англію, онъ не хотѣлъ пользоваться милостыней Англійскаго правительства, но давалъ Французскіе уроки. Въ Англіи онъ выучился Англійскому языку, такъ что могъ читать на немъ, и его образованіе, очень глубокое, сдѣлалось менѣе одностороннимъ. Въ Лондонѣ онъ получилъ письмо отъ моей тетки, которымъ онъ былъ такъ тронутъ, что хотя уже отказался ѣхать въ Россію, но не могъ отказать материнской просьбѣ. Вотъ нѣкоторыя черты, по которымъ можно догадываться, что онъ былъ высокаго рода: первое то, что онъ разсказывалъ о съѣздѣ, на которомъ духовенство отказывалось отъ своихъ правъ и преимуществъ,—говорилъ, что онъ сидѣлъ подлѣ Лафаета и уговаривалъ духовенство отказаться отъ того, что и такъ будетъ отнято рано или поздно. Потомъ Наполеонъ, когда возстановилъ церковь и сталъ отыскивать прежнихъ духовныхъ лицъ, предложилъ ему архіерейство, отъ котораго онъ отказался. Еще мнѣ кажется по всѣмъ даннымъ, что онъ былъ изъ числа священниковъ, присягнувшихъ революціонному правительству, что мнѣ не кажется вовсе преступнымъ, потому что такимъ образомъ онъ могъ помогать въ религіозномъ отношеніи своимъ согражданамъ. Онъ кончилъ жизнь въ первую холеру въ домѣ дѣтей моего дяди Ивана Ильича, гдѣ жилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, и погребенъ въ общей могилѣ, такъ что и мѣсто погребенія его сдѣлалось также неизвѣстнымъ, какъ и онъ самъ. Я навѣщала его часто и была съ нимъ въ перепискѣ. Онъ всегда бесѣдовалъ о предметахъ словесности, и я много обязана ему своимъ образованіемъ. Онъ любилъ меня какъ дочь и утѣшалъ въ моихъ внутреннихъ скорбяхъ, т. е. духовныхъ.

*

Мать моя, Варвара Дмитріевна Муханова, происходитъ изъ рода Тургеневыхъ. Родоначальникъ Тургеневыхъ, Татарскій ханъ Турга, выѣхалъ изъ Золотой Орды при великомъ князѣ Василіи Темномъ, принялъ крещеніе, при которомъ воспріемникомъ былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему. Одинъ изъ Тургеневыхъ, жившій при Дмитріи Самозванцѣ,

обличилъ его, сказавъ лже-царю: «ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю». За это голова его пала на плахѣ, и онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ. Другой, подобно ему, за смѣлое обличительное слово, погибъ отъ руки Пугачева. Вообще, Тургеневы отличались честностью и неустрашимостью. Прадѣдъ Ивана Сергѣевича, нашего извѣстнаго писателя, и мой дѣдъ, т. е. деверь моей бабушки, Алексѣй Романовичъ Тургеневъ, служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности, Бирономъ удалилъ его,ославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ Турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась предъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давноожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая. Церковь эта находилась уже послѣ не въ нашемъ имѣніи, такъ какъ огромное состояніе Тургеневыхъ было отчасти раздѣлено между родственниками, отчасти продано въ чужія руки. При этомъ деревянная церковь была, за ветхостію, упразднена, а образъ св. Николая отданъ въ нашу теперешнюю каменную церковь *), которая построена по плану Растрелли, съ великолѣпнымъ иконостасомъ, совершенно подобнымъ тому, который находится въ Кіевѣ, въ церкви апостола Андрея Первозваннаго.

Другой Тургеневъ, вѣроятно дядя того, о которомъ шла рѣчь, былъ въ караулѣ во дворцѣ у Анны Іоанновны, когда старушка (не помню ея фамиліи) прибѣжала въ слезахъ видѣть Императрицу, къ которой и была допущена; бросившись къ ея ногамъ, она разсказала, что увезли ея племянницу, и что послѣдняя должна быть обвѣнчана. Племянница эта и еще двѣ сестры ея жили у старой тетки своей въ дисциплинѣ того времени, всегда разряженныя въ роброндахъ, и не смѣли сказать слова. Офицеръ гвардіи (котораго фамилія, довольно извѣстная, тоже мною забыта) подкупилъ старую няню, водившую дѣвицъ въ церковь и такимъ образомъ похитилъ одну изъ нихъ. Императрица немедленно послала Тургенева взять брачную чету, гдѣ бы она ни была, и привести ее во дворецъ. Новобрачныхъ застали за столомъ послѣ брака, который признанъ былъ незаконнымъ и расторгнутъ. Невѣсту призвали во дворецъ. «За кого ты хочешь идти замужъ?» спросила ее Императрица. Тогда Ушаковъ былъ

*) Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ. *П. Б.*

въ караулѣ.—«Я никого не знаю, отвѣчала дѣвушка, пожалуй выйду за Ушакова».

Впослѣдствіи Ушакова, дочь похищенной невѣсты, вышла замужъ за Дмитрія Романовича Тургенева: то была моя бабушка.

Алексѣй Романовичъ и братъ его, Дмитрій Романовичъ, погребены вмѣстѣ подъ однимъ памятникомъ, недалеко отъ нашего имѣнія, въ которомъ мы живемъ. Ежегодно мы посѣщали эту могилу, исправляя всякій разъ ея поврежденія, такъ какъ она находится теперь въ чистомъ полѣ, на упраздненномъ кладбищѣ; гдѣ была прежде церковь, теперь тамъ живутъ, что̀ называется, бобыли.

Письмо Н. В. Путяты къ Е. А. Баратынскому

ИЗЪ АДРІАНОПОЛЯ ВЪ 1829 ГОДУ.

.... Помнишь-ли, любезный другъ, тѣ суровые, вѣковые граниты, омываемые свинцовыми валами бурнаго моря, гдѣ провелъ ты многіе годы молодости, гдѣ въ первый разъ мы встрѣтились съ тобою?— И какъ тебѣ забыть ихъ! Впечатлѣнія, произведенныя ими, мысли и чувства, волновавшія твою душу, сохранились въ твоихъ звучныхъ пѣсняхъ и для тебя и для другихъ; съ ними сроднились и мои безплодныя воспоминанія. Помнишь-ли, какъ часто, среди сихъ мрачныхъ картинъ угрюмой природы, пламенное воображеніе твое увлекалось въ страны благословеннаго, роскошнаго Юга? Подобно первобытнымъ сынамъ сихъ грозныхъ скалъ, вслѣдъ за ихъ могучими тѣнями, наши помыслы и желанія стремились къ той же цѣли, къ тѣмъ же мѣстамъ. Берега Дуная, Царьградъ, Греція, возрождавшаяся изъ пепла, были безпрестанными предметами нашихъ разговоровъ.

Мечтанья наши отчасти сбылись. Знамена Русскія развѣваются въ Адріанополѣ и издали дружелюбно привѣтствуютъ родной щитъ Олега. Съ береговъ древняго Гéрба, осѣненныхъ шатрами полуночныхъ воиновъ, я пишу эти строки, чтобъ изобразить тебѣ, какъ могу, окружающіе насъ новые для меня предметы.

Адріанополь, съ дороги отъ Ямболя, по которой слѣдовали наши войска, представляется отмѣнно великолѣпно. Большое число высокихъ, стройныхъ минаретовъ, разнообразныхъ куполовъ, блестящихъ позолотою и яркими цвѣтами, массы зданій, стелющихся въ отдаленіи темною полосою по горизонту, огражденному возвышеніями; прекрасная, тѣнистая роща вдоль рѣки, съ развалинами обширнаго дворца султановъ: все это сильно привлекаетъ взоры и возбуждаетъ любопытство, горящее уже нетерпѣніемъ видѣть древнюю столицу Оттоманской Имперіи.

Наша главная квартира расположилась лагеремъ среди помянутой рощи на берегахъ Марицы, въ которую здѣсь впадаютъ двѣ другія